

Муниципальное казённое общеобразовательное учреждение
«Каменская средняя общеобразовательная школа № 1
с углублённым изучением отдельных предметов
имени Героя Советского Союза В.П.Захарченко»
Каменского муниципального района Воронежской области

Составитель: И.А.Суязова

В помощь выпускникам: зимнее сочинение

Направление 5: год литературы в России



Время проходит, но сказанное слово остается (Л.Н.Толстой)

п.г.т. Каменка, 2015

Оглавление

№	Содержание	Стр.
1.	Речевые клише	3
2.	«Узелок на память»	3
3.	Примерные темы сочинений	4
4.	Цитатный материал	6
5.	Так можно начать сочинение... или завершить	21
6.	Несколько слов о главном...	23
7.	Мнение ученых о происходящем...	24
8.	Писатели-юбиляры - 2015	25
9.	Книги-юбиляры-2015	25

РЕЧЕВЫЕ КЛИШЕ

Клише для вступления или для оформления тезиса	Передо мной тема сочинения «...», которая заинтересовала меня тем, что...
	Могу предположить, что ...(тезис)
	Позволю себе высказать свою точку зрения
Переход к основной части	В правильности такой точки зрения меня убеждает художественная литература.
	Давайте вспомним произведения художественной литературы, в которых раскрывается тема ...
	Правильность своей точки зрения могу доказать, обратившись к ...
	Обратимся к произведениям художественной литературы
	За примерами давайте обратимся к произведениям художественной литературы
	Размышляя о ..., я не могу не обратиться к произведению ФИО, в котором...
Внутри основной части (переход от одного аргумента к другому)	Можно вспомнить и другое произведение, в котором тоже говорится (поднимается вопрос) о том, что...
	Можно привести и другой пример.
	В качестве второго аргумента обратимся к произведению...
	Эта же тема рассматривается и в произведении...
Заключение	К какому же выводу я пришёл, размышляя над темой «...»? Думаю, надо...
	И в заключение мне хотелось бы сказать, что...
	Все приведенные мной аргументы, основанные на читательском опыте, убеждают нас в том, что...
	Приведенных аргументов, как мне кажется, уже достаточно для того, чтобы утверждать:
	Заканчивая рассуждение на тему «...», нельзя не сказать, что люди должны...
	Обобщая сказанное, хочу сказать, что...

УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ

ЗАПОМНИ:

- 1) Без соответствия сочинения теме не будет зачёта!**
- 2) Без аргументации не будет зачёта!**
- 3) Объем сочинения не менее 300 слов!**
- 4) Суммарный объем введения и заключения не должен превышать одной трети всего сочинения!**
- 5) Время написания – 3 часа 55 минут.**

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ

в форме вопроса	в форме цитаты	в форме назывного предложения	В форме повествовательного предложения
Почему сегодня великая русская литература перестала быть великой?	«Только одна литература неподвластна законам тления. Она одна не признаёт смерти» (М.Е.Салтыков-Щедрин)	Литературный процесс и бизнес	Отсутствие интереса к книгам – угроза нравственности
Какой он – настоящий писатель?	«Нравственность человека видна в его отношении к слову» (Л.Н.Толстой)	Подвиг писателя	Творчество – средство постичь душу, сделать ее лучше.
Отличается ли современная литература от классической?	«Литература — это совесть общества, его душа». (Д.С.Лихачёв) или «Литература, в которой не бьется тревога совести, — это уже ложь». (Д.С.Лихачёв)	«Ужас» современного читателя...	Писательство — не развлечение, а трудный поиск истины.
Может ли человек прожить без книг?	Литература – это руководство человеческого разума человеческим ростом» (В.Гюго)	Моя любимая книга	Библиотеки — это сокровищницы всех богатств человеческого духа.
Каково значение книги в твоей жизни?	«Книга – немой учитель» (Платон)	Бесспорная необходимость чтения	Книга – это учитель жизни
Какова роль книги в жизни человека?	«Хорошая книга – это ручеек, по которому в человеческую душу втекает добро». (Ф.А.Абрамов)	Долгая жизнь книги...	Книга – источник знаний
Почему нельзя прожить без книг?	«Страница книги – это огромный экран, который и не снился самому лучшему телевизору!» (С.Львов).	«Вечная» литература...	Литература – нравственный учитель
Что важнее в современном мире – книга или компьютер?	«Раньше гусиными перьями писали вечные мысли, а теперь вечными перьями пишут гусиные мысли». (В.Солоухин)	Открывая книгу... или Читая книгу...	Через литературу – к познанию мира
Можно ли заменить книгу компьютером?	«Люди перестают мыслить, когда перестают читать». (Д.Дидро)	Воспитание книгой (литературой)	
Помогает ли литература решать нравственные проблемы?	«Книга есть кратчайший отчет о пройденном пути человечества...» Л. Леонов	Чудесный мир литературы	
Есть ли книги, нужные всегда...	«Книга – это сосуд, который нас наполняет, но сам не пустеет» А. Декурсель	Книги, обязательные для чтения...	
Чем опасно	«Хорошая книга	Отражая время...	

равнодушное отношение к книгам?	выстраивает личность» (О.Л.Кабачек)		
Спасет ли литература жестокий мир людей?	«Чтение — это окошко, через которое дети видят и познают мир и самих себя» (В.А.Сухомлинский)	Уроки, данные книгой...	
Чем опасна «некачественная» литература?	«Время проходит, но сказанное слово остается» (Л. Н. Толстой)	Книга, изменившая жизнь	
Нужна ли книга в век высоких технологий?	««Перо – это оружие, которое острее отточенных мечей». (Перес)	Живой диалог с писателем...	

ЦИТАТНЫЙ МАТЕРИАЛ

Михаил Андреевич Осоргин

Заметки старого книгоеда
(очерк)

Есть два подобия целомудренных и страстных объятий: море и раскрытая книга; их оценить может всякий возраст. Но море однообразнее книги и быстрее утомляет; книга держит в объятиях часами, годами, всю жизнь, и любовные выдумки ее безграничны. Прочитанная, она остаётся в памяти – и снова рождается, опять влекущая и еще раз полная тайны. В море мы плаваем на поверхности – в книгу уходим с головой, и чем глубже, тем слаще и чудеснее.

Чаще всего её называют другом. Она бывает Учителем, ласковой матерью, детищем и злым врагом. Но, конечно, она – возлюбленная, неподражаемая в постоянстве и вечном равнодушии. Ничто не дало миру столько добра и столько зла, как книга, и никто другой не пользовался таким почётом в памяти далёких поколений. Самым невозможным кажется исчезновение книги, замена её иной человеческой выдумкой. Это, конечно, случится, – но к тому времени люди переродятся, и не будет больше ни любви, ни вымысла, ни наивной веры, украшающей нашу жизнь. С жалостью думается о таких людях будущего

Татьяна Бутузкина

И книга недвижна, но книге охота
Прильнуть к человеческой теплой руке
М.Светлов

Прильнуть. Замереть. Зашептать прямо в душу
Горячих признаний бессвязную речь...
И если покой, наконец, Ваш нарушу,
То как непокой двух сердец убережь?
Не сгинуть пылинкою тех путешествий,
Где Ваши победно сияли глаза,
Хрустальной чаркой, что жажду утешив,
Разбили на счастье, высоко взнеся?
И не затеряться на полке заветной
Среди переплетов, таких дорогих,
Как дерево осенью- полураздетой,
Печальный под ноги бросающей стих?
Прильнуть бы навечно в блаженной истоме
К надежной и теплой, и верной руке,
И вместе состариться в маленьком доме,
Где звезды мерцали бы на потолке!

1.	2.	3
<p><i>Есть книги – волею приличий Они у века не в тени Из них цитаты брать –</i></p> <p><i>Во все положенные дни. В библиотеке иль читальне Любой – уж так заведено – Они на полке персональной Как бы на пенсии давно. На них печать почтенной</i></p> <p><i>И давность пройденных наук; Но, взяв одну такую в руки, Ты, время, Обожжешься вдруг...</i></p>	<p>Книжек первые страницы Нас встречают с первых лет. И несут нас, словно птицы, Облетая целый свет. Мы дружны с печатным словом. Если б не было его, Ни о старом, ни о новом Мы не знали б ничего! За страницу страница – С нею можно в путь пуститься По морям и в глубь веков, Среди джунглей и снегов.</p>	<p><i>Книга – учитель, Книга – наставница, Книга – близкий товарищ и друг, Ум, как ручей, высыхает и старится, Если ты выпустишь книгу из рук.</i></p> <p><i>Бедным считайте такое жилище, Где все забота – набить бы живот, Где калорийная, вкусная пища Пищу духовную не признает.</i></p> <p><i>Книга – советчик. Книга – разведчик,</i></p>

А.Т. Твардовский	С ней всегда легла дорога, С ней узнаешь очень много, У меня в руках, взгляни – ка, Это красочная книга С.Я.Маршак	<i>Книга – активный борец и боец, Книга – нетленная память и вечность. Спутник планеты Земля, наконец... В. Боков</i>
-------------------------	--	--

Б.Слуцкий

Прозаики
*Исааку Бабелю, Артему Весёлому,
Ивану Катаеву, Александру Лебедеико*

Когда русская проза пошла в лагерь:
в лесорубы, а кто половчей – в лекаря.
В землекопы, а кто потолковей – в шофёры,
в парикмахеры или актёры, -
вы немедля забыли своё ремесло.
Прозой разве утетишься в горе!
Словно утлые щепки, вас влекло и несло,
вас качало поэзии море.

По утрам, до поверки, смирны и тихи,
вы на нарах писали стихи.
От бескормиц, как палки тощи и сухи,
вы на марше слагали стихи.
Из любой чепухи вы лепили стихи.

Весь барак, как дурак, бормотал, подбирал
рифму к рифме и строку к строке.
То начальство стихом до костей пробирал,
то стремился излиться в тоске.

Ямб рождался из мерного боя лопат.
Словно уголь, он в шахтах копался.
Точно так же на фронте, из шага солдат,
он рождался и в строфы слагался.

А хорей вам за пайку заказывал вор,
чтобы песня была потягучей,
чтобы длинной была, как ночной разговор,
как Печора и Лена – текучей.

Ф.И. Тютчев

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...
Ложь воплотилась в булат;
Каким-то божьим попушеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем..
Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со dna воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!
Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье,-
Ты — лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещение!
О, в этом испытанье строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед богом...
24 октября 1854

М.Горький

КАК Я УЧИЛСЯ
Рассказ

Когда мне было лет шесть-семь, мой дед начал учить меня грамоте. Было это так.
Однажды вечером он достал откуда-то тоненькую книжку, хлопнул ею себя по ладони, меня по голове и весело сказал:

- Ну, скула калмыцкая, садись учить азбуку! Видишь фигуру? Это – «аз». Говори: «аз»! Это – «буки», это – «веди». Понял?

- Понял.

- Врёшь.

Он ткнул пальцем во вторую букву.

- Это – что?

- «Буки».

- Это?

- «Веди».

- А это? – Он указал на пятую букву.

- Не знаю.

- «Добро». Ну – это какая?

- «Аз».

- Попал! Говори – «глаголь», «добро», «есть», «живёте»!

Он обнял меня за шею крепкой, горячей рукой и тыкал пальцами в буквы азбуки, лежавшей под носом у меня, и кричал, всё повышая голос:

- «Земля!» «Люди»!

Мне было занятно видеть, что знакомые слова – добро, есть, живёте, земля, люди – изображаются на бумаге незатейливыми, маленькими знаками, и я легко запоминал их фигуры. Часа два дед гонял меня по азбуке, и в конце урока я без ошибки называл более десяти букв, совершенно не понимая, зачем это нужно и как можно читать, зная названия буквенных знаков азбуки.

Насколько легче учиться грамоте теперь, по звуковому способу, когда «а» так и произносится – «а», а не «аз», «в» - так и есть «в», а не «веди». Великую благодарность заслужили учёные люди, придумавшие звуковой приём обучения азбуке, - сколько детских сил сохраняется благодаря этому и насколько быстрее идёт усвоение грамоты! Так – повсюду наука стремится облегчить труд человека и сберечь его силы от излишней траты.

Я запомнил всю азбуку дня в три, и вот наступило время учить слога, составлять из букв слова, Теперь, по звуковому способу, это делается просто, человек произносит звуки: «о», «к», «н», «о» и сразу же слышит, что он сказал определённое, знакомое ему слово – «окно».

Я учился иначе: для того, чтоб сказать слово – «окно», я должен был проговорить длинную бессмыслицу: «он-како-наш-он-но=окно». Ещё труднее и непонятнее складывались многосложные слова, например: чтобы сложить слово «половица», нужно было выговорить «покой-он=по=по», «люди-он=ло=поло», «веди-ик=ви=полови», «цы-аз=ца=половица»! Или «червяк»: «червь-есть=че», «рцы-веди-яз=рвя=червя», «како-ер=кь=червяк»!

Эта путаница бессмысленных слогов страшно утомляла меня, мозг быстро уставал, соображение не работало, я говорил смешную чепуху и сам хохотал над нею, а дед бил меня за это по затылку или порол розгами. Но нельзя было не хохотать, говоря такую чепуху, как например: «мыслете-он=мо=мо», «рцы-добро-веди-ивин=рдвин=мордвин»; или: «буки-аз=ба=ба, «ша-како-иже-ки=шки=башки», «арцы-ер=башкирь»! Понятно, что вместо «мордвин», я говорил «мордин», вместо «башкирь» «шибир», однажды сказал вместо «богоподобен» «болтоподобен», а вместо «епископ» «скопидом». За эти ошибки дед жестоко порол меня розгами или трепал за волосы до головной боли.

А ошибки были неизбежны, потому что в таком чтении слова трудно понять, приходилось догадываться о смысле их и говорить не то слово, которое прочитал, да не понял, а похожее на него по звукам. Читаешь «рукоделье», а говоришь - «мукосей», читаешь «кружева», говоришь «жевать».

Долго – с месяц и больше – маялся я на изучении слогов, но стало ещё трудней, когда дед заставил меня читать псалтырь, написанный на церковно-славянском языке. Дед хорошо и бойко читал на этом языке, но он сам плохо понимал его различие от гражданской азбук. Для меня явились новые буквы «пса», «кси», дед не мог объяснить, откуда они, бил меня кулаками по голове и приговаривал:

- Не «покой», дьяволёнок, а «пса», «пса», «пса»!

Это была пытка, она продолжалась месяца четыре, в конце концов я научился читать и «по-граждански» и «по-церковному», но получил решительное отвращение и вражду к чтению и книгам.

Осенью меня отдали в школу, но через несколько недель я заболел оспой и учение прервалось, к немалой радости моей. Но через год меня снова сунули в школу – уже другую.

Я пришёл туда в материных башмаках, в пальтишке, перешитом из бабушкиной кофты, в жёлтой рубаше и штанах «навыпуск», всё это сразу было осмеяно, за жёлтую рубашу я получил прозвище «бубнового туза». С мальчиками я скоро поладил, но учитель и поп невзлюбили меня.

Учитель был жёлтый, лысый, у него постоянно текла кровь из носа, он являлся в класс, заткнув ноздри ватой, садился за стол, гнусаво спрашивал уроки и вдруг, замолчав на полуслове, вытаскивал вату из ноздрей, разглядывал её, качая головою. Лицо у него было плоское, медное,

окишее, в морщинах лежала какая-то прозелень, особенно уродовали это лицо совершенно лишние на нём оловянные глаза, так неприятно прилипавшие к моему лицу, что всегда хотелось вытереть щёки ладонью.

Несколько дней я сидел в первом отделении, на передней парте, почти вплоть к столу учителя, - это было нестерпимо, казалось он никого не видит, кроме меня, он гнусил всё время:

- Песко-ов, перемени рубаху-у! Песко-ов, не вози ногами! Песков, опять у тебя с обуви луза натекла-а!

Я платил ему за это диким озорством: однажды достал половину арбуза, выдолбил её и привязал на нитке к блоку двери в полутёмных сенях. Когда дверь открылась – арбуз взъехал вверх, а когда учитель притворил дверь – арбуз шапкой сел ему прямо на лысину. Сторож отвёл меня с запиской учителя домой, и я расплатился за эту шалость своей шкуркой.

В другой раз я насыпал в ящик его стола нюхательного табаку, он так расчихался, что ушёл из класса, прислав вместо себя зятя своего – офицера, который заставил весь класс петь «Боже, царя храни» и «Ах, ты, воля, моя воля». Тех, кто пел неверно, он щёлкал линейкой по головам как-то особенно звучно и смешно, но не больно.

Законоучитель, красивый и молодой, пышноволосяный поп, невзлюбил меня за то, что у меня не было «Священной истории ветхого и нового завета» и за то, что я передразнивал его манеру говорить.

Являясь в класс, он первым делом спрашивал меня:

- Пешков, книгу принёс или нет? Да. Книгу?

Я отвечал:

- Нет. Не принёс. Да.

- Что – да?

- Нет.

- Ну, и – ступай домой. Да. Домой. Ибо тебя учить я не намерен. Да. Не намерен.

Это меня не очень огорчало, я уходил и до конца уроков шатался по грязным улицам слободы, присматривался к её шумной жизни.

Несмотря на то, что я учился сносно, мне скоро было сказано, что меня выгонят из школы за недостойное поведение. Я приуныл – это грозило мне великими неприятностями.

Но явилась помощь – в школу неожиданно приехал епископ Хрисанф.

Когда он, маленький, в широкой чёрной одежде сел за стол, высвободил руки из рукавов и сказал:

«Ну, давайте беседовать, дети мои!» - в классе сразу стало тепло, весело, повеяло незнакомо приятным.

Вызвав, после многих, и меня к столу, он спросил серьёзно:

- Тебе – который год? Только-о? Какой ты, брат, длинный, а? Под дождями часто стоял, а?

Положив на стол сухонькую руку, с большими острыми ногтями, забрав в пальцы непышную бородку, он уставился в лицо мне добрыми глазами, предложив:

- Ну-ко, расскажи мне из священной истории, что тебе нравится?

Когда я сказал, что у меня нет книги и я не учу священную историю, он поправил клобук и спросил:

- Как же это? Ведь это надобно учить! А может, что-нибудь знаешь, слышал? Псалтырь знаешь? Это хорошо! И молитвы? Ну, вот видишь! Да ещё и жития? Стихами? Да ты у меня знающий.

Явился наш поп, красный, запыхавшийся, епископ благословил его, но когда поп стал говорить про меня, он поднял руку, сказав:

- Позвольте минутку... Ну-ко, расскажи про Алексея человека божия?..

- Прехорошие стихи, брат, а? – сказал он, когда я приостановился, забыв какой-то стих. – А ещё что-нибудь?.. Про царя Давида? Очень послушаю!

Я видел, что он действительно слушает и ему нравятся стихи; он спрашивал меня долго, потом вдруг остановил, осведомляясь быстро:

- По псалтырю учился? Кто учил? Добрый дедушка-то? Злой? Неужто? А ты очень озорничаешь?

Я замаялся, но сказал – да! Учитель с попом многословно подтвердили моё сознание, он слушал

их, опустив глаза, потом сказал, вздохнув:

- Вот что про тебя говорят – слышал? Ну-ко, подойди!

Положив на голову мне руку, от которой исходил запах кипарисового дерева, он спросил:

- Чего же это ты озорничаеть?

- Скушно очень учиться.

- Скушно? Это, брат, неверно что-то. Было бы тебе скушно учиться – учился бы ты плохо, а вот учителя свидетельствуют, что хорошо ты учишься. Значит, есть что-то другое.

Вынув маленькую книжку из-за пазухи, он написал:

- Пешков, Алексей. Так. А ты всё-таки сдерживался бы, брат, не озорничал бы много-то! Немножко – можно, а уж много-то – досадно людям бывает! Так ли я говорю, дети?

Множество голосов весело ответили:

- Так.

- Вы сами-то ведь немного озорничаете?

Мальчишки, ухмыляясь, заговорили:

- Нет. Тоже много! Много!

Епископ отклонился на спинку стула, прижал меня к себе и удивлённо сказал, так, что все – даже учитель с попом – засмеялись:

- Экое дело, братцы мои, ведь и я тоже в ваши годы-то великим озорником был! Отчего бы это, братцы?

Дети смеялись, он расспрашивал их, ловко путая всех, заставляя возражать друг другу, и всё усугублял весёлость. Наконец встал и сказал:

- Хорошо с вами, озорники, да пора ехать мне!

Поднял руку, смахнул рукав к плечу и, крестя всех широкими взмахами, благословил:

- Во имя отца и сына и святого духа, благословляю вас на добрые труды! Прощайте.

Все закричали:

- Прощайте, владыко! Опять приезжайте.

Качая кlobуком, он говорил:

- Я приеду, приеду! Я вам книжек привезу!

И сказал учителю, выплывая из класса:

- Отпустите-ка их домой!

Он вывел меня за руку в сени и там сказал тихонько, наклоняясь ко мне:

- Так ты – сдерживайся, ладно? Я ведь понимаю, зачем ты озорничаеть! Ну, прощай, брат!

Я был очень взволнован, какое-то особенное чувство кипело в груди, и даже когда учитель, распустив класс, оставил меня и стал говорить, что теперь я должен держаться тише воды, ниже травы, я выслушал его внимательно, охотно.

Поп, надевая шубу, ласково гудел:

- Отныне ты на моих уроках должен присутствовать! Да. Должен. Но – седи смиренно! Да. Смирно.

Поправились дела мои в школе – дома разыгралась скверная история: я украл у матери рубль. Однажды вечером мать ушла куда-то, оставив меня домовничать с ребёнком; скучая, я развернул одну из книг вотчима «Запнски врача» Дюма-отца, и между страниц увидел два билета – в десять рублей и в рубль. Книга была непонятна, я закрыл её и вдруг сообразил, что за рубль можно купить не только «Священную историю», но, наверное, и книгу о Робинзоне. Что такая книга существует, я узнал незадолго перед этим в школе: в морозный день, во время перемены, я рассказывал мальчикам сказку, вдруг один из них презрительно заметил:

- Сказки – чушь, а вот Робинзон – это настоящая история!

Нашлось ещё несколько мальчиков, читавших Робинзона, все хвалили эту книгу, я был обижен, что бабушкина сказка не понравилась, и тогда же решил прочитать Робинзона, чтобы тоже сказать о нём – это чушь!

На другой день я принёс в школу «Священную историю» и два растрёпанных томика сказок Андерсена, три фунта белого хлеба и фунт колбасы. В тёмной, маленькой лавочке у ограды Владимирской церкви был и Робинзон, тощая книжонка в жёлтой обложке, и на первом листе изображён бородатый человек в меховом колпаке, в звериной шкуре на плечах, - это мне не

понравилось, а сказки даже и по внешности были милые, несмотря на то, что растрёпаны.

Во время большой перемены я разделил с мальчиками хлеб и колбасу, и мы начали читать удивительную сказку «Соловей» - она сразу взяла всех за сердце.

«В Китае все жители – китайцы и сам император – китаец», - помню, как приятно удивила меня эта фраза своей простой, весело улыбающейся музыкой и ещё чем-то удивительно хорошим.

Мне не удалось дочитать «Соловья» в школе – не хватило времени, а когда я пришёл домой, мать, стоявшая у шестка со сковородником в руках, поджаривая яичницу, спросила меня странным, погашенным голосом:

- Ты взял рубль?

- Взял; вот – книги...

Сковородником она меня и побила весьма усердно, а книги Андерсена отняла и навсегда спрятала куда-то, что было горше побоев.

В школе я проучился почти всю зиму, а летом умерла моя мать, и дед тотчас же отдал меня «в люди» - в ученики к чертёжнику. Хотя я и прочитал несколько интересных книг, но всё-таки особенного желания читать у меня не было, да и времени на это не хватало. Но скоро это желание явилось и сразу же стало сладкой мукой моей – об этом я подробно рассказал в книжке моей «В людях».

Сознательно читать я научился, когда мне было лет четырнадцать. В эти годы меня увлекала уже не одна фабула книги, - более или менее интересное развитие изображаемых событий, - но я начинал понимать красоту описаний, задумываться над характерами действующих лиц, смутно догадывался о целях автора книги и тревожно чувствовал различие между тем, о чём говорила книга, и тем, что внушала жизнь.

Жилось мне в ту пору трудно, - моими хозяевами были закоренелые мещане, люди, главным наслаждением которых являлась обильная еда, а единственным развлечением – церковь, куда они ходили, пышно наряжаясь, как наряжаются, идя в театр или на публичное гулянье. Работал я много, почти до отупения, будни и праздники были одинаково загромождены мелким, бессмысленным, безрезультатным трудом.

Дом, в котором жили мои хозяева, принадлежал «подрядчику землекопных и мостовых работ», маленькому коренастому мужику с Клязьмы. Остробородый, сероглазый, он был зол, груб и как-то особенно спокойно жесток. У него было человек тридцать рабочих, все – владимирские мужики; жили они в тёмном подвале с цементным полом и маленькими окнами ниже уровня земли. Вечерами, измученные работой, поужинав щами из квашеной вонючей капусты с требухой или солониной, от которой пахло селитрой, они выползали на грязный двор и валялись на нём, - в сыром подвале было душно и угарно от огромной печи. Подрядчик являлся в окне своей комнаты и орал:

- Эй, вы, дьяволы, опять на двор вылезли? Развалились, свиньи! У меня в доме хорошие люди живут – али им приятно глядеть на вас?

Рабочие покорно уходили в подвал. Все это были люди печальные, они редко смеялись, почти никогда не пели песен, говорили кратко, неохотно и, всегда выпачканные землёй, казались мне покойниками, которых воскресили против их воли для того, чтобы мучить ещё целую жизнь.

«Хорошие люди» - офицеры, картёжники и пьяницы, они били денщиков до крови, били любовниц, пёстро одетых женщин, куривших папиросы. Женщины тоже напивались и хлестали денщиков по щекам. Пили и денщики, пили помногу, насмерть.

В воскресные дни подрядчик выходил на крыльцо и садился на ступени, с длинной узкой книжкой в одной руке, с обломком карандаша в другой; к нему гуськом, один за другим, подходили землекопы, точно нищие. Они говорили пониженными голосами, кланяясь и почёсываясь, а подрядчик орал на весь двор:

- Ладно, будет! Бери целковый! Чего? А в морду – хочешь? Хватит с вас! Иди прочь... Но!

Я знал, что среди землекопов есть немало однодеревенцев подрядчика, есть родственники его, но он со всеми был одинаково жесток и груб. И землекопы были тоже жестоки и грубы в отношении друг к другу, а особенно – к денщикам. Почти каждое воскресенье на дворе разгорались кровавые драки, гудела трёхэтажная грязная ругань. Землекопы дрались беззлобно, как бы выполняя надоевшую им обязанность; избитый до крови отходил или отползал в сторону и

там молча осматривал свои царапины, раны, ковырял грязными пальцами расшатанные зубы.

Разбитое лицо, затёкшие от ударов глаза никогда не вызывали сострадания товарищей, но если была разорвана рубаха – все сожалели об этом, а избитый хозяин рубахи угрюмо злился, иногда плакал.

Эти сцены вызывали у меня неописуемо тяжёлое чувство. Мне было жалко людей, но я жалел их холодной жалостью, у меня никогда не возникало желания сказать кому-нибудь из них ласковое слово, чем-либо помочь избитым – хотя бы воды подать, чтобы они смыли отвратительно густую кровь, смешанную с грязью и пылью. В сущности, я не любил их, немножко боялся и – произносил слово «мужик» так же, как мои хозяева, офицеры, полковой священник, сосед-повар и даже денщики, - все эти люди говорили о мужиках с презрением.

Жалеть людей – это тяжело, всегда хочется радостно любить кого-нибудь, а любить было некого. Тем горячее я полюбил книги.

Было и ещё много грязного, жестокого, вызывавшего острое чувство отвращения, - я не буду говорить об этом, вы сами знаете эту адскую жизнь, это сплошное издевательство человека над человеком, эту болезненную страсть мучить друг друга – наслаждение рабов. И вот в такой проклятой обстановке я впервые стал читать хорошие, серьёзные книги иностранных литераторов.

Я, вероятно, не сумею передать достаточно ярко и убедительно, как велико было моё изумление, когда я почувствовал, что почти каждая книга как бы открывает предо мною окно в новый, неведомый мир, рассказывая мне о людях, чувствах, мыслях и отношениях, которых я не знал, не видел. Мне казалось даже, что жизнь, окружающая меня, всё то суровое, грязное и жестокое, что ежедневно развёртывалось предо мною, всё это – не настоящее, ненужное; настоящее и нужное только в книгах, где всё более разумно, красиво и человечно. В книгах говорилось тоже о грубости, о глупости людей, об их страданиях, изображались злые и подлые, но рядом с ними были другие люди, каких я не видал, о которых даже не слышал, - люди честные, сильные духом, правдивые, всегда готовые хоть на смерть ради торжества правды, ради красивого подвига.

Первое время, опьянённый новизною и духовной значительностью мира, открытого для меня книгами, я стал считать их лучше, интереснее, ближе людей и – как будто – немного ослеп, глядя на действительную жизнь сквозь книги. Но суровая умница-жизнь позаботилась вылечить меня от этой приятной слепоты.

По воскресеньям, когда хозяева уходили в гости или гулять, я вылезал из окна душной, пропахшей жиром кухни на крышу и там читал. По двору плавали, как сомы, полупьяные или сонные землекопы, визжали горничные, прачки и кухарки от жестоких нежностей денщиков, я – посматривал с высоты на двор и величественно презирал эту грязенькую, пьяную, распутную жизнь.

Один из землекопов был десятник, или «нарядчик», как они звали его, угловатый, неладно сделанный из тонких костей и синих жил старичок Степан Лешин, человек с глазами голодного кота и седенькой, смешно рассеянной бородкой на коричневом лице, на жилистой шее и в ушах. Оборванный, грязный, хуже всех землекопов, он был самый общительный среди них, но они заметно боялись его, и даже сам подрядчик говорил с ним, понижая свой крикливый, всегда раздражённый голос. Я не раз слышал, как рабочие ругали Лешина за глаза:

- Скупой чёрт! Иуда! Холуй!

Старичок Лешин был очень подвижен, но не суетлив, он как-то тихонько, незаметно являлся то в одном углу двора, то в другом, везде, где собиралось двое-трое людей: подойдёт, улыбнётся кошачьими глазами и, шмыгнув широким носом, спрашивает:

- Ну, что, а?

Мне казалось, что он всегда чего-то ищет, ждёт какого-то слова.

Однажды, когда я сидел на крыше сарая, Лешин, побрякивая, влез ко мне по лестнице, сел рядом и, понюхав воздух, сказал:

- Сенцом пахнет... Это ты хорошо место нашёл – и чисто, и от людей в стороне... Чего читаешь?

Он смотрел на меня ласково, и я охотно рассказал ему о том, что читал.

- Так, - сказал он, покачивая головой. – Так – так!

Потом долго молчал, ковыряя чёрным пальцем руки разбитый ноготь на левой ноге, и вдруг,

скосив глаза на меня, заговорил, негромко и певуче, точно рассказывая:

- Был во Владимире учёный барин Сабанеев, большой человек, а у него – сын Петруша. Тоже всё книжки читал и других к тому приохочивал, так его – заарестовали.

- За что? – спросил я.

- За это самое! Не читай, а коли читаешь – помалкивай!

Он усмехнулся, подмигнул мне и сказал:

- Гляжу я на тебя – сурьёзный ты, не озоруешь. Ну, ничего, живи...

И, посидев на крыше ещё немножко, он спустился на двор. После этого я заметил, что Лешин присматривается ко мне, следит за мной. Он всё чаще подходил ко мне со своим вопросом:

- Ну, что, а?

Однажды я рассказал ему какую-то очень взволновавшую меня историю о победе доброго и разумного начала над злым, он выслушал меня очень внимательно и, качнув головою, сказал:

- Бывает.

- Бывает? – радостно спросил я.

- Да ведь – а как же? Всё бывает! – утвердил старик. – Вот я те поведаю...

И «поведал» мне тоже хорошую историю о живых, не книжных людях, а в заключение сказал, памятно:

- Конечно, ты эти дела вполне понять не можешь, однако – разумею главное: пустяков много, в пустяках запутался народ, ходу нет ему – к богу ходу нет, значит! Великое стеснение от пустяков, понимаешь?

Эти слова толкнули меня в сердце оживляющим толчком, я как будто прозрел после них. А ведь в самом деле, эта жизнь вокруг меня – пустяковая жизнь, со всеми её драками, распутством, мелким воровством и матерщиной, которая, может быть, потому так обильна, что человеку не хватает хороших, чистых слов.

Старик прожил на земле впятеро больше меня, он много знает и, если он говорит, что хорошее в жизни действительно «бывает», - надобно верить ему. Верить – хотелось, ибо книги уже внушили мне веру в человека. Я догадывался, что они изображают всё-таки настоящую жизнь, что их, так сказать, списывают с действительности, значит – думал я – и в действительности должны быть хорошие люди, отличные от дикого подрядчика, моих хозяев, пьяных офицеров и вообще всех людей, известных мне.

Это открытие было для меня огромною радостью, я стал веселее смотреть на всё и как-то лучше, внимательнее относиться к людям и, прочитав что-нибудь хорошее, праздничное, старался рассказать об этом землекопам, денщикам. Они не очень охотно слушали меня и, кажется, не верили мне, но Степан Лешин всегда говорил:

- Бывает. Всё бывает, браток!

Удивительно сильное значение имело для меня это краткое, мудрое слово! Чем чаще я слышал его, тем более оно будило во мне чувство бодрости и упрямства, острое желание «поставить на своём». Ведь если «всё бывает», значит, будет и то, чего мне хочется? Я замечал, что во дни наибольших обид и огорчений, наносимых мне жизнью, в тяжёлые дни, которых слишком много испытал я, именно в такие дни чувство бодрости и упрямства в достижении цели особенно повышается у меня, в эти дни меня с наибольшею силою охватывало юное Геркулесово желание очистить авгиевы конюшни жизни. Это осталось со мною и теперь, когда мне пятьдесят лет, останется до смерти, и этим свойством я обязан священному писанию человеческого духа – книгам, отражающим великие мучения и пытки растущей души человека, науке – поэзии разума, искусству – поэзии чувств.

Книги продолжали открывать предо мною новое; особенно много давали мне два иллюстрированных журнала: «Всемирная иллюстрация» и «Живописное обозрение». Их картинки, изображавшие города, людей и события иностранной жизни, всё более и более расширяли предо мною мир, и я чувствовал, как он растёт, огромный, интересный, наполненный великими деяниями.

Храмы и дворцы, не похожие на наши церкви и дома, иначе одетые люди, иначе украшенная человеком земля, чудесные машины, изумительные изделия – всё это внушало мне чувство какой-то непонятной бодрости и вызывало желание тоже что-то сделать, построить.

Всё было различно, непохоже, но однако я смутно сознавал, что всё насыщено одной и той же силой – творческой силою человека. И моё чувство внимания к людям, уважение к ним росло.

Я был совершенно потрясён, когда увидел в каком-то журнале портрет знаменитого учёного Фарадея, прочитал непонятную мне статью о нём и узнал из неё, что Фарадей – был простым рабочим. Это крепко ударило меня в мозг, показалось мне сказкой.

«Как же это? – недоверчиво думал я. – Значит – который-нибудь из землекопов тоже может сделаться учёным? И я – могу?»

Не верилось. Я стал доискиваться – нет ли ещё каких-нибудь знаменитых людей, которые были бы сначала рабочими? В журналах никого не нашёл; знакомый гимназист сказал мне, что очень многие известные люди были сначала рабочими, и назвал мне несколько имён, между прочим – Стефенсона, но я не поверил гимназисту.

Чем больше я читал, тем более книги роднили меня с миром, тем ярче, значительнее становилась для меня жизнь. Я видел, что есть люди, которые живут хуже, труднее меня, и это меня несколько утешало, не примиряя с оскорбительной действительностью; я видел также, что есть люди, умеющие жить интересно и празднично, как не умеет жить никто вокруг меня. И почти в каждой книге тихим звоном звучало что-то тревожное, увлекающее к неведомому, задевавшее за сердце. Все люди так или иначе страдали, все были недовольны жизнью, искали чего-то лучшего, и все они становились более близкими, понятными. Книги окутывали всю землю, весь мир печалью о лучшем, и каждая из них была как бы душой, запечатлённой на бумаге знаками и словами, которые оживали, как только мои глаза, мой разум соприкасались с ними.

Нередко я плакал, читая, - так хорошо рассказывалось о людях, так милы и близки становились они. И, мальчишка, задёрванный дурацкой работой, обижаемый дурацкой руганью, я давал сам себе торжественные обещания помочь людям, честно послужить им, когда вырасту.

Точно какие-то дивные птицы сказок, книги пели о том, как многообразна и богата жизнь, как дерзок человек в своём стремлении к добру и красоте. И чем дальше, тем более здоровым и бодрым духом наполнялось сердце. Я стал спокойнее, увереннее в себе, более толково работал и обращал всё меньше внимания на бесчисленные обиды жизни.

Каждая книга была маленькой ступенью, поднимаясь на которую, я восходил от животного к человеку, к представлению о лучшей жизни и жажде этой жизни. А перегруженный прочитанным, чувствуя себя сосудом, до краёв полным оживляющей влаги, я шёл к денщикам, к землекопам и рассказывал им, изображал перед ними в лицах разные истории.

Это их забавляло.

- Ну, шельма, - говорили они. – Настоящий комедиант! Тебе в балаган, на ярманку надо!

Конечно, я ждал не этого, а чего-то другого, но – был доволен и этим.

Однако мне удавалось иногда, - не часто, разумеется, - заставить владимирских мужиков слушать меня с напряжённым вниманием, а не раз доводить некоторых до восторга и даже до слёз – эти эффекты ещё более убеждали меня в живой возбудительной силе книги.

Василий Рыбаков, угрюмый парень, силач, любивший молча толкать людей плечом так, что они отлетали от него мячиками, - этот молчаливый озорник отвёл меня однажды в угол за конюшню и предложил мне:

- Лексей – научи меня книгу читать, я тебе полтину дам, а не научишь – бить буду, со света сживу, ей-богу, вот – крещусь!

И – размашисто перекрестился.

Я побаивался его угрюмого озорства и начал учить парня со страхом, но дело сразу пошло хорошо, Рыбаков оказался упрям в непривычном труде и очень понятлив. Недель через пять, возвращаясь с работы, он таинственно позвал меня к себе и, вытащив из фуражки клочок измятой бумаги, забормотал, волнуясь:

- Гляй! Это я с забора сорвал, что тут сказано, а? Погоди - «продаётся дом» - верно? Ну – продаётся?

- Верно.

Рыбаков страшно вытаращил глаза, лоб его покрылся потом, помолчав, он схватил меня за плечо и, раскачивая, тихонько говорил:

- Понимаешь – гляжу на забор, а мне будто шепчет кто: «продаётся дом»! Господи помилуй...

Прямо как шепчет, ей-богу! Слушай, Лексей, неужто я выучился – ну?

- А читай-ка дальше!

Он уткнул нос в бумагу и зашептал:

- «Двух – верно? – этажный, на камен-ном»...

Рожу его расплылась широчайшей улыбкой, он мотнул головой, выругался матерно и, посмеиваясь, стал аккуратно свёртывать бумажку.

- Это я оставлю на память – как она первая... Ах ты, господи... Понимаешь? Как будто – шепчет, а? Диковина, брат. Ах ты...

Я хохотал безумно, видя его густую, тяжёлую радость, его детское милое недоумение перед тайной, вскрывшейся перед ним, тайной усвоения посредством маленьких чёрных знаков чужой мысли и речи, чужой души.

Я мог бы много рассказать о том, как чтение книг – этот привычный нам, обыденный, но в существе своём таинственный процесс духовного слияния человека с великими умами всех времён и народов – как этот процесс чтения иногда вдруг освещает человеку смысл жизни и место человека в ней, я знаю множество таких чудесных явлений, исполненных почти сказочной красоты.

Не могу не рассказать об одном из таких случаев.

Я жил в Арзамасе, под надзором полиции, мой сосед, земский начальник Хотяинцев, особенно невзлюбил меня – до того, что даже запретил своей прислуге беседовать по вечерам у ворот с моей кухаркой. Полицейского поставили прямо под окно мне, и он с наивной бесцеремонностью заглядывал в комнаты, когда находил это нужным. Всё это очень напугало горожан, и долгое время никто из них не решался зайти ко мне.

Но однажды, в праздник, явился кривой человек в поддёвке, с узлом под мышкой, и предложил мне купить у него сапоги. Я сказал, что мне не нужно сапог. Тогда кривой, подозрительно заглянув в дверь соседней комнаты, тихонько заговорил:

- Сапоги – это для прикрытия настоящей причины, господин писатель, а пришёл я попросить – нет ли хорошей книжечки почитать?

Его умный глаз не возбуждал сомнения в искренности желания и окончательно убедил меня в ней, когда на мой вопрос – какую бы хотел он получить книгу, кривой обдуманно сказал робким голосом и всё оглядываясь:

- Насчёт законов жизни что-нибудь, то есть – законов мира. Не понимаю законов этих – как жить и – вообще. Тут недалеко казанский профессор математик на даче живёт, так я у него, за починку обуви и за садовые работы, - я тоже и садовник, - уроки математики беру, только она мне не отвечает, а сам он – молчаливый...

Я дал ему плохонькую книжку Дрейфуса «Мировая и социальная эволюция» - единственное, что нашлось у меня по вопросу.

- Чувствительно благодарен! – сказал кривой, бережно засунув книгу за голенище сапога. – Позвольте придти к вам для беседы, когда прочитаю... Только я на этот раз приду садовником, будто малину в саду подрезать, а то, знаете, полиция – очень окружает вас, и вообще – неудобно мне...

Он пришёл дней через пять, в белом фартуке с садовыми ножницами, пучком мочала в руках, и удивил меня своим радостным видом. Его глаз сверкал весело, голос звучал громко и твёрдо. Почти с первых же слов он ударил ладонью по книжке Дрейфуса и заговорил торопливо:

- Могу я сделать отсюда такое умозаключение, что бога – нет?

Я не поклонник таких поспешных «умозаключений» и потому начал осторожно допрашивать его – чем привлекает его именно это «умозаключение».

- Для меня это – главное! – горячо и тихо заговорил он. – Я так рассуждаю, как все подобные: ежели существует господь бог и всё в его воле, стало быть, я должен тихо жить, покорствуя высшим предначертаниям Божиим. Весьма много прочитал божественного – Библию, Тихона Задонского сочинения, Златоуста, Ефрема Сирина и всё прочее. Однако – я желаю знать: отвечаю я за себя и за всю жизнь или нет? По писанию выходит – нет, живи, как предуказано, и все науки – ни к чему. Также и астрономия – фальшь одна, выдумка. И математика тоже и всё вообще. Вы, конечно, с этим не согласны, чтобы покорствоваться?

- Нет, - сказал я.

- А почему же я должен быть согласен? Вот вас за несогласность под надзор полиции выслали сюда, значит – вы решаетесь восставать против священного писания, потому что я так понимаю: всякое несогласие – обязательно против священного писания. Из него все законы подчинения, а законы свободы – от науки, то есть от человеческого разума. Теперича – дальше: ежели бог, то мне делать нечего, а без него – я должен отвечать за всё, за всю жизнь и всех людей! Я желаю отвечать, по примеру святых отцов, только иначе – не подчинением, а сопротивлением злу жизни!

И, снова ударив ладонью по книге, он добавил с убеждением, явно непоколебимым:

- Всякое подчинение – зло, потому что оно укрепляет зло! И вы меня извините – я этой книжке верю! Она для меня – как тропа в дремучем лесу. Я уж так решил для себя – отвечаю за всё!

Мы дружески беседовали до поздней ночи, и я убедился, что неважная маленькая книжка была последним ударом, оформившим мятежные поиски человеческой души в твёрдое религиозное верование, в радостное преклонение пред красотой и силой мирового разума.

Этот милый, умный человек действительно честно сопротивлялся злу жизни и спокойно погиб в 907-м году.

Вот так же, как угрюмому озорнику Рыбакову, книги шептали мне о другой жизни, более человеческой, чем та, которую я знал; вот так же, как кривому сапожнику, они указывали мне моё место в жизни. Окрыляя ум и сердце, книги помогли мне подняться над гнилым болотом, где я утонул бы без них, захлебнувшись глупостью и пошлостью. Всё более расширяя предо мною пределы мира, книги говорили мне о том, как велик и прекрасен человек в стремлении к лучшему, как много сделал он на земле и каких невероятных страданий стоило это ему.

И в душе моей росло внимание к человеку – ко всякому, кто бы он ни был, скоплялось уважение к его труду, любовь к его беспокойному духу. Жить становилось легче, радостнее – жизнь наполнялась великим смыслом.

Так же, как в кривом сапожнике, книги воспитали во мне чувство личной ответственности за всё зло жизни и вызвали у меня религиозное преклонение пред творческой силой разума человеческого.

И с глубокой верою в истину моего убеждения я говорю всем: любите книгу, она облегчит вам жизнь, дружески поможет разобраться в пёстрой и бурной путанице мыслей, чувств, событий, она научит вас уважать человека и самих себя, она окрыляет ум и сердце чувством любви к миру, к человеку.

Пусть она будет враждебна вашим верованиям, но если она написана честно, по любви к людям, из желания добра им – тогда это прекрасная книга!

Всякое знание – полезно, полезно и знание заблуждений ума, ошибок чувства.

Любите книгу – источник знания, только знание спасительно, только оно может сделать нас духовно сильными, честными, разумными людьми, которые способны искренно любить человека, уважать его труд и сердечно любоваться прекрасными плодами его непрерывного великого труда.

Во всём, что сделано и делается человеком, в каждой вещи – заключена его душа, всего больше этой чистой и благородной души в науке, в искусстве, всего красноречивее и понятнее говорит она – в книгах.

ПРИМЕЧАНИЕ

Впервые напечатано в газете «Новая жизнь», 1918, номер 102, 29 мая, под заглавием «**О книгах**», и одновременно, с подзаголовком «Рассказ», в газете «Книга и жизнь», 1918, номер 1, 29 мая.

В основу рассказа положена речь, которую М.Горький произнёс 28 мая 1918 года в Петрограде на митинге в обществе «Культура и свобода». Речь начиналась словами: «Я расскажу вам, граждане, о том, что дали книги моему разуму и чувству. Читать сознательно я научился, когда мне было лет четырнадцать...» Несколько раз произведение переиздавалось под заглавием «Как я учился» с пропуском первой фразы и небольшими добавлениями в конце рассказа.

Коротко о романе Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»

Америка относительно недалёкого будущего, какой она виделась автору в начале пятидесятых годов, когда и писался этот роман-антиутопия.

Тридцатилетний Гай Монтэг — пожарник. Впрочем, в эти новейшие времена пожарные команды

не сражаются с огнём. Совсем даже наоборот. Их задача отыскивать книги и предавать огню их, а также дома тех, кто осмелился держать в них такую крамолу. Вот уже десять лет Монтэг исправно выполняет свои обязанности, не задумываясь о смысле и причинах такого книгоненавистничества.

Встреча с юной и романтической Клариссой Маклеланд выбивает героя из колеи привычного существования. Впервые за долгие годы Монтэг понимает, что человеческое общение есть нечто большее, нежели обмен заученными репликами. Кларисса резко выделяется из массы своих сверстников, помешанных на скоростной езде, спорте, примитивных развлечениях в «Луна-парках» и бесконечных телесериалах. Она любит природу, склонна к рефлексиям и явно одинока. Вопрос Клариссы: «Счастливы ли вы?» заставляет Монтэга по-новому взглянуть на жизнь, которую ведёт он — а с ним и миллионы американцев. Довольно скоро он приходит к выводу, что, конечно же, счастливым это бездумное существование по инерции назвать нельзя. Он ощущает вокруг пустоту, отсутствие тепла, человечности.

Словно подтверждает его догадку о механическом, роботизированном существовании несчастный случай с его женой Милдред. Возвращаясь домой с работы, Монтэг застаёт жену без сознания. Она отравилась снотворным — не в результате отчаянного желания расстаться с жизнью, но машинально глотая таблетку за таблеткой. Впрочем, все быстро встаёт на свои места. По вызову Монтэга быстро приезжает «скорая», и техники-медики оперативно проводят переливание крови с помощью новейшей аппаратуры, а затем, получив положенные пятьдесят долларов, удаляются на следующий вызов.

Монтэг и Милдред женаты уже давно, но их брак превратился в пустую фикцию. Детей у них нет — Милдред была против. Каждый существует сам по себе. Жена с головой погружена в мир телесериалов и теперь с восторгом рассказывает о новой затее телевизионщиков — ей прислали сценарий очередной «мыльной оперы» с пропущенными строчками, каковые должны восполнять сами телезрители. Три стены гостиной дома Монтэгов являют собой огромные телеэкраны, и Милдред настаивает на том, чтобы они потратились и на установление четвёртой телестены, — тогда иллюзия общения с телеперсонажами будет полной.

Мимолётные встречи с Клариссой приводят к тому, что Монтэг из отлаженного автомата превращается в человека, который смущает своих коллег-пожарных неуместными вопросами и репликами, вроде того: «Были ведь времена, когда пожарники не сжигали дома, а, наоборот, тушили пожары?»

Пожарная команда отправляется на очередной вызов, и на сей раз Монтэг испытывает потрясение. Хозяйка дома, уличённая в хранении запрещённой литературы, отказывается покинуть обречённое жилище и принимает смерть в огне вместе со своими любимыми книгами.

На следующий день Монтэг не может заставить себя пойти на работу. Он чувствует себя совершенно больным, но его жалобы на здоровье не находят отклика у Милдред, недовольной нарушением стереотипа. Кроме того, она сообщает мужу, что Клариссы Маклеланд нет в живых — несколько дней назад она попала под автомобиль, и её родители переехали в другое место.

В доме Монтэга появляется его начальник брандмейстер Битти.

Он почувал неладное и намерен привести в порядок забарахливший механизм Монтэга. Битти читает своему подчинённому небольшую лекцию: «...Двадцатый век. Темп ускоряется. Книги уменьшаются в объёме. Сокращённое издание. Содержание. Экстракт. Не размазывать. Скорее к развязке!.. Произведения классиков сокращаются до пятнадцатиминутной передачи. Потом ещё больше: одна колонка текста, которую можно пробежать глазами за две минуты, потом ещё: десять — двадцать строк для энциклопедического словаря... Разумеется, такое отношение к печатной продукции — не цель, но средство, с помощью которого создаётся общество манипулируемых людей, где личности нет места.

«Мы все должны быть одинаковыми, — внушает брандмейстер Монтэгу. — Не свободными и равными от рождения, как сказано в Конституции, а... просто одинаковыми. Пусть все люди станут похожи друг на друга как две капли воды, тогда все будут счастливы, ибо не будет великанов, рядом с которыми другие почувствуют своё ничтожество».

Если принять такую модель общества, то опасность, исходящая от книг, становится самоочевидной: «Книга — это заряженное ружье в доме у соседа. Сжечь её. Разрядить ружье. Надо обуздать человеческий разум. Почём знать, кто завтра станет мишенью для начитанного человека».

До Монтэга доходит смысл предупреждения Битти, но он зашёл уже слишком далеко. Он хранит в доме книги, взятые им из обречённого на сожжение дома. Он признается в этом Милдред и предлагает вместе прочитать и обсудить их, но отклика не находит.

В поисках единомышленников Монтэг выходит на профессора Фабера, давно уже взятого на заметку пожарниками. Отринув первоначальные подозрения, Фабер понимает, что Монтэгу можно доверять. Он делится с ним своими планами по возобновлению книгопечатания, пока пусть в ничтожных дозах. Над Америкой нависла угроза войны — хотя страна уже дважды выходила победительницей в атомных конфликтах, — и Фабер полагает, что после третьего столкновения американцы одумаются и, по необходимости забыв о телевидении, испытают нужду в книгах. На прощание Фабер даёт Монтэгу миниатюрный приёмник, помещающийся в ухе. Это не только обеспечивает связь между новыми союзниками, но и позволяет Фаберу получать информацию о том, что творится в мире пожарников, изучать его и анализировать сильные и слабые стороны противника.

Военная угроза становится все более реальной, по радио и ТВ сообщают о мобилизации миллионов. Но ещё раньше тучи сгущаются над домом Монтэга. Попытка заинтересовать жену и её подруг книгами оборачивается скандалом. Монтэг возвращается на службу, и команда отправляется на очередной вызов. К своему удивлению, машина останавливается перед его собственным домом. Битти сообщает ему, что Милдред не вынесла и доложила насчёт книг куда нужно. Впрочем, её донос чуть опоздал: подруги проявили больше расторопности.

По распоряжению Битти Монтэг собственноручно предаёт огню и книги, и дом. Но затем Битти обнаруживает передатчик, которым пользовались для связи Фабер и Монтэг. Чтобы уберечь своего товарища от неприятностей, Монтэг направляет шланг огнемёта на Битти. Затем наступает черёд двух других пожарников.

С этих пор Монтэг становится особо опасным преступником. Организованное общество объявляет ему войну. Впрочем, тогда же начинается и та самая большая война, к которой уже давно готовились. Монтэгу удаётся спастись от погони. По крайней мере, на какое-то время от него теперь отстанут: дабы убедить общественность, что ни один преступник не уходит от наказания, преследователи умерщвляют ни в чем не повинного прохожего, которого угораздило оказаться на пути страшного Механического Пса. Погоня транслировалась по телевидению, и теперь все добропорядочные граждане могут вздохнуть с облегчением.

Руководствуясь инструкциями Фабера, Монтэг уходит из города и встречается с представителями очень необычного сообщества. Оказывается, в стране давно уже существовало нечто вроде духовной оппозиции. Видя, как уничтожаются книги, некоторые интеллектуалы нашли способ создания преграды на пути современного варварства. Они стали заучивать наизусть произведения, превращаясь в живые книги. Кто-то затвердил «Государство» Платона, кто-то «Путешествия Гулливера» Свифта, в одном городе «живёт» первая глава «Уолдена» Генри Дэвида Торо, в другом — вторая, и так по всей Америке. Тысячи единомышленников делают своё дело и ждут, когда их драгоценные знания снова понадобятся обществу. Возможно, они дождутся своего. Страна переживает очередное потрясение, и над городом, который недавно покинул главный герой, возникают неприятельские бомбардировщики. Они сбрасывают на него свой смертоносный груз и превращают в руины это чудо технологической мысли XX столетия.

Фантаст считал, что простой человек разве только одну сотую может увидеть своими глазами, а остальные девяносто девять процентов он познает через книгу.

«Письма о добром и прекрасном»

Д.С.Лихачев

Письмо двадцать второе ЛЮБИТЕ ЧИТАТЬ!

Каждый человек обязан (я подчеркиваю – обязан) заботиться о своем интеллектуальном развитии. Это его обязанность перед обществом, в котором он живет, и перед самим собой. Основной (но, разумеется, не единственный) способ своего интеллектуального развития – чтение. Чтение не должно быть случайным. Это огромный расход времени, а время – величайшая ценность, которую нельзя тратить на пустяки. Читать следует по программе, разумеется, не следуя ей жестко, отходя от нее там, где появляются дополнительные для читающего интересы. Однако при всех

отступлениях от первоначальной программы необходимо составить для себя новую, учитывающую появившиеся новые интересы. Чтение, для того чтобы оно было эффективным, должно интересовать читающего. Интерес к чтению вообще или по определенным отраслям культуры необходимо развивать в себе. Интерес может быть в значительной мере результатом самовоспитания. Составлять для себя программы чтения не так уж просто, и это нужно делать, советуясь со знающими людьми, с существующими справочными пособиями разного типа. Опасность чтения – это развитие (сознательное или бессознательное) в себе склонности к «диагональному» просмотру текстов или к различного вида скоростным методам чтения. «Скоростное чтение» создает видимость знаний. Его можно допускать лишь в некоторых видах профессий, остерегаясь создания в себе привычки к скоростному чтению, оно ведет к заболеванию внимания. Замечали ли вы, какое большое впечатление производят те произведения литературы, которые читаются в спокойной, неторопливой и несуетливой обстановке, например на отдыхе или при какой-нибудь не очень сложной и не отвлекающей внимания болезни? Литература дает нам колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нем не только чувство красоты, но и понимание – понимание жизни, всех ее сложностей, служит проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей. Одним словом, делает вас мудрыми. Но все это дается только тогда, когда вы читаете, вникая во все мелочи. Ибо самое главное часто кроется именно в мелочах. А такое чтение возможно только тогда, когда вы читаете с удовольствием, не потому, что то или иное произведение надо прочесть (по школьной ли программе или по велению моды и тщеславия), а потому, что оно вам нравится – вы почувствовали, что автору есть что сказать, есть чем с вами поделиться и он умеет это сделать. Если первый раз прочли произведение невнимательно – читайте еще раз, в третий раз. У человека должны быть любимые произведения, к которым он обращается неоднократно, которые знает в деталях, о которых может напомнить в подходящей обстановке окружающим и этим то поднять настроение, то разрядить обстановку (когда накапливается раздражение друг против друга), то посмеяться, то просто выразить свое отношение к происшедшему с вами или с кем-либо другим. «Бескорыстному» чтению научил меня в школе мой учитель литературы. Я учился в годы, когда учителя часто вынуждены были отсутствовать на уроках – то они рыли окопы под Ленинградом, то должны были помочь какой-либо фабрике, то просто болели. Леонид Владимирович (так звали моего учителя литературы) часто приходил в класс, когда другой учитель отсутствовал, непринужденно садился на учительский столик и, вынимая из портфеля книжки, предлагал нам что-нибудь почитать. Мы знали уже, как он умел прочесть, как он умел объяснить прочитанное, посмеяться вместе с нами, восхититься чем-то, удивиться искусству писателя и радоваться предстоящему. Так мы прослушали многие места из «Войны и мира», «Капитанской дочки», несколько рассказов Мопассана, былин о Соловье Будимировиче, другую былин о Добрыне Никитиче, повесть о Горе-Злосчастии, басни Крылова, оды Державина и многое, многое другое. Я до сих пор люблю то, что слушал тогда в детстве. А дома отец и мать любили читать вечерами. Читали для себя, а некоторые понравившиеся места читали и для нас. Читали Лескова, Мамина-Сибиряка, исторические романы – все, что нравилось им и что постепенно начинало нравиться и нам. «Незаинтересованное», но интересное чтение – вот что заставляет любить литературу и что расширяет кругозор человека. Умейте читать не только для школьных ответов и не только потому, что ту или иную вещь читают сейчас все – она модная. Умейте читать с интересом и не торопясь. Почему телевизор частично вытесняет сейчас книгу? Да потому, что телевизор заставляет вас не торопясь просмотреть какую-то передачу, сесть поудобнее, чтобы вам ничего не мешало, он вас отвлекает от забот, он вам диктует – как смотреть и что смотреть. Но постарайтесь выбирать книгу по своему вкусу, отвлекитесь на время от всего на свете тоже, сядьте с книгой поудобнее, и вы поймете, что есть много книг, без которых нельзя жить, которые важнее и интереснее, чем многие передачи. Я не говорю: перестаньте смотреть телевизор. Но я говорю: смотрите с выбором. Тратьте свое время на то, что достойно этой траты. Читайте же больше и читайте с величайшим выбором. Определите сами свой выбор, сообразуясь с тем, какую роль приобрела выбранная вами книга в истории человеческой культуры, чтобы стать классикой. Это значит, что в ней что-то существенное есть. А может быть, это существенное для культуры человечества окажется существенным и для вас? Классическое произведение – то, которое выдержало испытание временем. С ним вы не потеряете своего времени. Но классика не может

ответить на все вопросы сегодняшнего дня. Поэтому надо читать и современную литературу. Не бросайтесь только на каждую модную книгу. Не будьте суетны. Суетность заставляет человека безрассудно тратить самый большой и самый драгоценный капитал, каким он обладает, – свое время

«Письма о добром и прекрасном»

Д.С.Лихачев

Письмо двадцать третье О ЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕКАХ

Сегодня личные библиотеки в очень многих домах. Существует даже такое явление – книжный бум. Книжный бум – это же прекрасно! Ведь книжный же бум, а не какой-нибудь другой. И то, что люди интересуются книгами, покупают, стоят в очереди за книгами, – это же хорошо, это говорит о каком-то культурном подъеме нашего общества. Но мне могут сказать, что вот книги попадают не тем, кому они нужны. Иногда служат украшением; приобретаются из-за красивых переплетов и т. Д. Но и это не так страшно. Книга всегда найдет того, кому она нужна. Например, покупает книгу человек, который украшает ими свою столовую. Но ведь у него могут быть и сын, и племянники. Мы помним, как начинали люди интересоваться литературой – через библиотеки, которые они находили у своего отца или у своих родственников. Так что книга когда-нибудь найдет своего читателя. Она может быть продана, и это тоже неплохо, будет какой-то запас книг, потом она опять найдет своего читателя. Что касается личной библиотеки, то думаю, к этому вопросу надо подходить очень ответственно. Не только потому, что личную библиотеку считают визитной карточкой хозяина, а потому, что она иной раз становится престижным моментом. Если человек покупает книги только для престижа, то напрасно это делает. В первой же беседе он выдаст себя. Станет ясным, что сам он книг не читал, а если и читал, то не понял. Свою библиотеку не надо делать слишком большой, не надо заполнять ее книгами «одноразового чтения». Такие книги надо брать в библиотеке. Дома должны быть книги повторного чтения, классики (и притом любимые), а больше всего справочники, словари, библиография. Они могут иногда заменить целую библиотеку. Обязательно ведите собственную библиографию и на карточках этой библиографии отмечайте, что в этой книге кажется вам важным и нужным. Повторяю. Если книга вам нужна для однократного чтения, ее приобретать не следует. И искусство составления личных библиотек состоит в том, чтобы воздерживаться от приобретения таких книг

ТАК МОЖНО НАЧАТЬ СОЧИНЕНИЕ... или ЗАВЕРШИТЬ

1.

Каждая из великих книг – это не только часть души и зачастую целые годы жизни самого автора, но и страницы народной истории. Недаром Тургенев сказал о Гоголе: «Для нас он был больше, чем писатель: он раскрыл нам нас самих». А.Турков, российский критик и литературовед

2.

Без книги человечество погибнет! Это моё глубокое убеждение. Почему? Потому что в произведениях А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, И.С.Тургенева, Ф.М.Достоевского содержатся не только страницы истории, но и отражается философия жизни. Эти произведения заставляют заглянуть в свой собственный внутренний мир.

3.

У книги, безусловно, есть одна особенность: с ней беседуешь, перелистывая страницы, один на один вступаешь с автором в немой диалог. Почему диалог? Да потому что книга – хорошая, мудрая книга – требует труда мысли, сознания, воображения. Настоящая книга – это сгусток энергии. (В.Я.Лакшин, литературный критик).

4.

К книге надо относиться, как к жизни. Её надо читать собственными глазами. Недоверчиво. Рассматривать. Выискивать в ней точное знание. И идти от книги к книге. Ведь книга – это только дорога. Книга приучает к разглядыванию вещей. Вся литература – это умение видеть, умение знать. (В.Шкловский, русский литературовед, критик, прозаик)

5.

Без некоторых книг, не пережитых в детстве и отрочестве, сущность человека со всей его психологией останется грубой и неотёсанной. (С.Михалков)

6.

Оскар Уайльд, английский писатель, делил книги на три категории: те, что следует читать; те, что следует перечитывать, и те, что вовсе читать не надо.

В.Г.Белинский, русский критик, полагал: читать дурно выбранные книги хуже и вреднее, чем ничего не читать.

7.

Князю Ярославу Мудрому, тому, который украсил Киев прекрасными памятниками романского стиля, приписывают слова о книгах: «Книги суть реки, напоющие благодатью всю Вселенную».

8.

Родившаяся полтысячи лет назад книга, предшественником которой был манускрипт, старше и мудрее молодой музы телевидения... Но книгу трудно заменить даже как привычный для человека источник глубокой информации. Книгу художественную, литературу в высоком смысле, не вытеснить ни компакт-дисками, ни видео-, стереозаписью. (В.Я.Лакшин, литературный критик).

9.

Добро всегда побеждает зло, и никому ещё это не надоедало. Но добро – не липучка для мух. Добро – это чувство, которое вызывает книга. Мы оплакиваем героя, и это – добро. Мы хохочем над глупостью, и это – тоже добро. Мы сочувствуем неудачнику, презирая негодея, симпатизируя простодушию, - и всё это добро, которое побеждает зло. Л.И.Лиходеев.

10.

Лучше я буду бедняком и стану жить на чердаке, но с множеством книг, чем королем – но без библиотеки. (Английский историк Макалей, живший в XIX веке)

11.

Русская литература не должна опускаться до уровня общества в его сомнительных и тёмных проявлениях. В любых обстоятельствах, во что бы то ни стало, но литература не должна ни на шаг отступать от своей главной цели — возвысить общество до идеала — идеала добра, света и истины.

(Русский писатель Н.А. Некрасов)

12.

Чтение – вот лучшее учение. (А.С.Пушкин)

13

...цель литературы – помогать человеку понимать самого себя, поднять его веру в себя и развить в нем стремление к истине, бороться с пошлостью в людях, уметь найти хорошее в них, возбуждать в их душах стыд, гнев, мужество, делать все для того, чтоб люди стали благородно сильными и могли одухотворить свою жизнь святым духом красоты... (м. Горький)

14.

«Литература — благородное призвание, но только тогда, когда она служит миру, жаждущему просвещения и блага, а не бездонной утробе, требующей насыщения и утешения». (Х.Грили)

15.

Моя поэзия есть акт дружбы с человеком, и отсюда моё поведение: пишу – значит люблю.
(М.М.Пришвин)

16

«Любить чтение – это обменивать часы скуки, неизбежные в жизни, на часы большого наслаждения»
(Монтескье)

17.

«Книга всегда больше жизни. Всё меньше книги – жизнь, вселенная, солнце. Даже сам человек»
(А.В.Етоев)

НЕСКОЛЬКИХ СЛОВАХ О ГЛАВНОМ...

(информация, которую можно использовать во вступлении или заключении)



✚ «Год литературы» — проводимая в течение 2015 года комплексная государственная программа, направленная на развитие интереса к русской и мировой литературе, пропаганду чтения и книжной культуры во всех ее проявлениях. Год Литературы объявлен [Указом президента В.В. Путина от 12 июня 2014 года](#).

✚ Оргкомитет разработал и утвердил [План основных мероприятий Года Литературы](#). В их числе – международный писательский форум «Литературная Евразия», [проект «Литературная карта России»](#), «Библионочь-2015», проекты «Книги в больницы» и «Лето с книгой», пилотный проект «Всемирный день книги», конкурс «Литературная столица России», проекты [«Живая классика»](#) и [«ReadRussia/Читай Россию»](#).

✚ «Наше общество стало катастрофически мало читать». Об этом Путин говорил на Российском литературном собрании в 2013 году (<http://news.kremlin.ru/news/19665>), тогда же было заявлено о необходимости повышать интерес к чтению у подростков. Глава государства подчеркнул, что снижение читательского интереса регистрируют во всем мире, но это вовсе не значит, что Россия должна следовать такому тренду.

✚ Общество стало катастрофически мало читать. Статистическое измерение катастрофы — это 9 минут в день, затрачиваемых «усреднённым» россиянином на чтение книг. С этими 9 минутами России далеко до лавров «самой читающей страны».

✚ Тенденции таковы, что «новые медиа» (интернет, компьютерные игрушки, социальные сети) готовы без остатка «сожрать» эти жалкие 9 минут, оставшиеся для Толстого, Достоевского и Пушкина впридачу. Остроту ситуации придаёт тот факт, что молодёжь, при всей её «продвинутости» и «открытости», является наименее читающей категорией. А с уходом культуры чтения — уходит и сама культура.

✚ Снижение интереса к чтению — это общемировая тенденция. Это общемировая тенденция, которой Россия не обязана следовать.

✚ Именно в 2015-м россияне отпразднуют 155 лет со дня появления на свет Антона Чехова. В этом же году планируется отметить 75 лет со дня рождения Бродского, 215 лет — Баратынского, 220 лет — Грибоедову.

✚ Россия как держава во многом формировалась и формируется ключевыми произведениями русской литературы, среди которых можно выделить творчества Александра Сергеевича Пушкина, Михаила Афанасьевича Булгакова, Ивана Антоновича Ефремова и других выдающихся русских писателей и поэтов.

✚ Происходящие негативные процессы связаны прежде всего с тем, что западная культура ведёт наступление на молодёжь через средства, которые не требуют приложения собственного

воображения и труда— кино и компьютерные игры. Однако для тех, кто разобрался в этом, не секрет — что русский язык, и прежде всего язык Пушкина — является основным фактором формирующим мировоззрение будущих поколений.

✚ Самое лучшее хранилище человеческой памяти — это художественное произведение. Достаточно вспомнить Данте Алигьери, который в своём величайшем произведении «Божественная комедия» дал яркие характеристики изгнавшим его недругам, поместив каждого в надлежащий круг Ада.

✚ Задача писателя не учить читателя, а побудить его вместе разгадывать Загадку. И для писателя счастье, если читатель откроет в тексте больше смыслов, нежели открыл он сам. Настоящий писатель хочет помочь человеку задуматься, создать пространство для размышлений, не навязывая своего мнения, поскольку каждый должен сам постичь себя и загадку мироздания. Нужно научиться не только смотреть, но и видеть, не только слышать, но и различать.

✚ Литература — не развлекательное чтиво, а предлагающая размышлять и действовать, постигать истину и совершенствовать себя, свою душу.

✚ Литература — это живое слово, способное выразить сокровенное и преобразить человека.

✚ Литература, если она настоящая, способна изменять сознание людей, а значит и саму жизнь.

✚ Искусство слова состоит в умении помочь сердцу почувствовать, побудить разум мыслить, сделать человека соучастником беседы.

МНЕНИЕ УЧЁНЫХ О ПРОИСХОДЯЩЕМ...

✚ Татьяна Михайловна Колядич д.ф.н., профессор МПГУ (Москва) полагает, что закончилась эпоха высокой моды, наступила пора литературы для повседневной носки. Нет возможностей и способов воспитания сегодняшнего читателя. Но такой читатель придёт, когда мы уйдём от коммерциализации литературы. Интерес к определённым авторам сохраняется именно потому, что в их произведениях поднимаются общечеловеческие проблемы.

✚ Мария Александровна Черняк — д.ф.н., профессор РГПУ им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург) привела любопытные **данные опроса «Что такое современная литература?»**:

✓ «Современная литература — это попытка автора описать нашу сумбурную действительность, сдобрить нетривиальными героями с породистыми тараканами и приправить всё это извечными проблемами».

✓ «Современная литература — это краеугольный камень непрофессионализма со скороспелостью, жаждой наживы». «Современная литература больше разобщает, чем воспитывает; чтиво на один раз».

✓ «Это большая помойка, но и на ней иногда удаётся найти гениальные цветы жизни».

✓ Да, сегодня писатель уже не учитель жизни, а литература не квинтэссенция мудрости, — в лучшем случае «чтиво», способное развлечь во время поездки в транспорте.

ПИСАТЕЛИ-ЮБИЛЯРЫ 2015 года

- 270 лет со дня рождения Д.И. Фонвизина
- 220 лет со дня рождения А.С. Грибоедова
- 215 лет со дня рождения Е.А. Боратынского
- 200 лет со дня рождения П.П. Ершова
- 195 лет со дня рождения А.А. Фета
- 180 лет со дня рождения Н.Г. Помяловского
- 160 лет со дня рождения В.М. Гаршина
- 155 лет со дня рождения А.П. Чехова
- 150 лет со дня рождения Д.С. Мережковского
- 145 лет со дня рождения А.И. Куприна и И.А. Бунина
- 135 лет со дня рождения А. Белого, А.А. Блока, А.С. Грина, С. Черного
- 130 лет со дня рождения В. Хлебникова
- 125 лет со дня рождения Б.Л. Пастернака
- 120 лет со дня рождения С.А. Есенина
- 110 лет со дня рождения М.А. Шолохова
- 105 лет со дня рождения А.Т. Твардовского, Ю.П. Германа, О.Ф. Бергольц
- 100 лет со дня рождения К.М. Симонова, В.М. Тушновой
- 95 лет со дня рождения Ф.А. Абрамова, Ю.М. Нагибина, Д.С. Самойлова
- 90 лет со дня рождения Ю.В. Трифонова, Е.И. Носова
- 85 лет со дня рождения Ю.С. Рытхэу
- 75 лет со дня рождения И.А. Бродского

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ-ЮБИЛЯРЫ 2015 ГОДА:

- 225 лет книге А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»
- 215 лет со времени первого издания древнерусского эпоса «Слово о полку Игореве»
- 200 лет первому иллюстрированному изданию басен И. А. Крылова
- 195 лет поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»
- 190 лет драме А.С. Пушкина «Борис Годунов»
- 185 лет драматическому циклу А.С. Пушкина «Маленькие трагедии» и сборнику «Повести Белкина»
- 180 лет книге Н.В. Гоголя «Миргород», драме М.Ю. Лермонтова «Маскарад» и роману И.И. Лажечникова «Ледяной дом»
- 175 лет роману М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»
- 170 лет роману Ф.М. Достоевского «Бедные люди»
- 160 лет книге Л.Н. Толстого «Севастопольские рассказы»
- 155 лет роману И.С. Тургенева «Накануне»
- 150 лет повести Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда»

145 лет трагедии А.К. Толстого «Царь Борис», сатирическому роману М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города», комедии А.Н. Островского «Лес»

140 лет роману Ф.М. Достоевского «Подросток» и комедии А.Н. Островского «Волки и овцы»

135 лет роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и роману М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы»

120 лет поэтическому сборнику «В безбрежности» К.Д. Бальмонта, рассказам М. Горького «Старуха Изергиль» и «Челкаш»

115 лет поэтическим сборникам «Горящие здания» К.Д. Бальмонта, «Tertia Vigilia» («Третья стража») В.Я. Брюсова и рассказу И.А. Бунина «Антоновские яблоки»

110 лет повести А.И. Куприна «Поединок»

105 лет сборнику стихотворений М.И. Цветаевой «Вечерний альбом»

100 лет сборнику И. Северянина «Ананасы в шампанском», по поэме А.А. Блока «Соловьиный сад», поэме В.В. Маяковского «Облако в штанах»

85 лет поэме В.В. Маяковского «Во весь голос»

95 лет поэме С.А. Есенина «Сорокоуст»

90 лет поэме С.А. Есенина «Анна Снегина», роману Ю.Н. Тынянова «Кюхля», сказке К. Чуковского «Бармалей», поэме В.В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо»

85 лет роману А.П. Платонова «Котлован»

80 лет книге Б.С. Житкова «Рассказы о животных»

75 лет роману М.А. Шолохова «Тихий Дон», повести А.П. Гайдара «Тимур и его команда»

70 лет поэме А.Т. Твардовского «Василий Тёркин», роману А.Н. Толстого «Петр I», книге М.М. Пришвина «Кладовая солнца»

60 лет поэтическим сборникам Р.И. Рождественского «Флаги весны» и Н.А. Заболоцкого «Некрасивая девочка», повести В.Ф. Пановой «Серёжа», поэме «Дядя Стёпа – милиционер» С.В. Михалкова

50 лет роману А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу», поэтическому сборнику Р.И. Рождественского «Радиус действия», роману Н.Н. Носова «Незнайка на Луне»

45 лет поэтическому сборнику Б.А. Ахмадулиной «Уроки музыки», повести В.Быкова «Сотников»

40 лет роману А.И. Солженицына «Бодался теленок с дубом», повести Ю.И. Коваля «Недопёсок», повести А.Г. Алексина «Третий в пятом ряду»

25 лет поэтическому сборнику А.А. Вознесенского «Аксиома самоиска»

15 лет роману Б.Акунина «Коронация, или Последний из романов» из цикла «Приключения Эраста Фандорина»